

AKT

I

ПРОЛОГ

Я сажу, прикованный наручниками к столу, и думаю: *«Когда бы не запрет / На разглашение тайн моей темницы, / Поведал бы такое, что любой / Пустяк терзал бы душу»*¹. Охранник стоит у двери, наблюдает за мной, будто ждет, чтобы что-то произошло.

Входит Джозеф Колборн. Он уже начал сесть, ему почти пятьдесят. Раз в несколько недель я с удивлением вижу, насколько он постарел, — а он понемногу стареет, раз в несколько недель, уже десять лет. Он садится напротив меня, скрещивает руки на груди и произносит:

— Оливер.

— Джо.

— Мне сказали, слушания по условно-досрочному прошли в твою пользу. Поздравляю.

¹ У. Шекспир. Гамлет. Акт I, сцена 5. — Здесь и далее цитаты из пьес Шекспира даны в переводе Е. Ракитиной, за исключением особо оговоренных случаев.

- Я бы сказал спасибо, если бы думал, что вы всерьез.
- Ты знаешь, я считаю, что тебе здесь не место.
- Это не значит, что вы считаете меня невиновным.
- Нет.

Он вздыхает, смотрит на часы — все те же, он их носит с тех пор, как мы познакомились, — как будто я ему надоедаю.

– Так почему пришли? — спрашиваю я. — Все с той же подоплекой, дважды в месяц?

Его брови образуют толстую черную линию.

- «Подоплека» — это прям охренеть в твоём духе.
- Ну, можно изъять мальчика из театра, все такое.

Он качает головой со смесью веселья и раздражения.

- И? — говорю я.
- И — что?

– *«Виселица — дело благое. Но чем именно? Это благое дело для тех, чье дело зло»*¹, — отзываюсь я, решив заслужить его раздражение. — Зачем вы здесь? Пора бы уже понять, что я вам ничего не расскажу.

– Вообще-то, — говорит он, — думаю, на этот раз мне удастся тебя переубедить.

Я выпрямляюсь.

– Как?

– Я уйду со службы. Продался, нашел работу в частной охране. Детям надо образование оплачивать.

Пару секунд я просто таращусь на него. Мне всегда казалось, что Колборна придется усыпить, как злого старого пса, прежде чем он уйдет с поста шефа.

¹ У. Шекспир. Гамлет. Акт V, сцена I.

- И как это должно меня переубедить? — спрашиваю я.
— Все, что ты скажешь, будет не для протокола.
— Тогда зачем суетиться?

Он снова вздыхает, и морщины на его лице становятся глубже.

— Оливер, меня не волнует наказание преступника, уже нет. Кто-то отсидел, а при нашей работе такое удовлетворение не часто получаешь. Но я не хочу уйти в отставку и еще десять лет гадать, что именно произошло десять лет назад.

Сперва я молчу. Эта мысль мне нравится, но доверия не вызывает. Я осматриваю мрачные шлакоблоки, крошечные черные видеокамеры, смотрящие вниз из каждого угла, охранника с неправильным прикусом, выставившего вперед нижнюю челюсть. Закрываю глаза, делаю глубокий вдох и представляю себе весеннюю свежесть Иллинойса, представляю, каково будет шагнуть наружу после того, как треть жизни давился затхлым тюремным воздухом.

Когда я, выдохнув, открываю глаза, Колборн пристально на меня смотрит.

— Не знаю, — говорю я. — Я выйду отсюда, так или иначе. Не хочу рисковать, не хочу сюда вернуться. По-моему, надежнее не будить спящих собак.

Колборн беспокойно барабанит пальцами по столу.

— А скажи-ка мне, — говорит он, — бывает, что ты лежишь в камере, смотришь в потолок, пытаешься понять, как ты здесь оказался, и не можешь уснуть, потому что никак не прогонишь воспоминания о том дне?

— Каждую ночь, — без иронии отвечаю я. — Но вот в чем разница, Джо. Для вас это был всего один день, а дальше все пошло как обычно. А для нас — один день и все следующие.

Я подаюсь вперед, опершись на локти, мое лицо оказывается всего в нескольких дюймах от его лица, так что он слышит каждое слово, когда я понижаю голос:

— Вас, наверное, так и жрет изнутри то, что вы не знаете. Не знаете кто, не знаете как, не знаете почему. Но вы и его не знали.

У него странное лицо, как будто его тошнит, словно я вдруг сделался несказанно мерзким и на меня страшно смотреть.

— Ты все это время хранил тайну, — говорит он. — Кто другой с ума бы сошел. Зачем?

— Хотелось.

— И по-прежнему хочется.

У меня за ребрами веско стучит сердце. Тайны тяжелы, как свинец.

Я откидываюсь назад. Охранник смотрит безразлично, как будто мы — чужие люди, говорящие на чужом языке, о чем-то далеком и незначительном. Я думаю об остальных. В кои-то веки о нас. Мы натворили много зла, но оно было необходимо — или так казалось. Годы спустя, оглядываясь назад, я уже не так уверен, что без него нельзя было обойтись, и теперь я думаю вот о чем: смог бы я объяснить все Колборну, все мелкие извивы и, повороты и финальный эксод? Я разглядываю его открытое, ничего не вы-

ражающее лицо, серые глаза — от них теперь расходятся гусиные лапки, но смотрят они так же ясно и твердо.

— Хорошо, — говорю я. — Я расскажу. Но вы должны кое-что понять.

Колборн не шевелится.

— Я слушаю.

— Во-первых, я заговорю, только когда выйду отсюда, не раньше. Во-вторых, все это не вернется ни ко мне, ни к кому-либо еще — никакой двойной ответственности. И, наконец, это не извинение.

Я жду от него какого-то отклика, кивка или слов, но он только моргает, молчаливый и неколебимый, как сфинкс.

— Ну что, Джо? — спрашиваю я. — Вы это выдержите?

Он холодно, коротко усмехается:

— Да, думаю, выдержу.